

Запрошуємо до обговорення:

УДК: 321.011(477)

Ю.Н. Пахомов

ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ СУВЕРЕННОСТИ: УКРАИНА И МИР

В статті розкрито духовні й матеріальні цінності суверенності країн. Проаналізовано світовий досвід та його роль для України. Зроблено конкретні пропозиції.

The mental and material values of sovereignty are exposed in the article. The world experience and its role as for Ukraine are analysed.

Ключові слова: суверенітет, досвід, цінності, світ, Україна, пропозиції.

Наше время — время перемен в формах жизнедеятельности народов мира, в том числе, — в суверенитете. Вестфальская система, заложившая основы государственного суверенитета, трещит по всем швам. Традиционный суверенитет не только размывается, но и теряет способности отвечать на вызовы, идущие от процессов и сил, его разрушающих.

Однако то, что в варианте традиционного суверенитета размывается и теряет свои свойства, — «не терпит пустоты». На наших глазах в этих и смежных координатах формируется нечто новое, что важно еще на старте осознать и использовать в созидательных целях. Для этого, среди прочего, надо с позиций судеб суверенитета исследовать, во-первых, — глобальные процессы и, во-вторых, — капитализм.

Представляется, однако, что с позиций этих явлений суверенитет недостаточно исследовать лишь экономико-технологически и вообще — «материалистически».

Наряду с этими, несомненно важными подходами, в анализе суверенитета большую роль играют подходы цивилизационно-ценностные. Причины этого, — не только в нарастании в последние десятилетия цивилизационных сдвигов, но и во все большей зависимости успешности (а значит и суверенности) стран от научно-технологического прогресса, который вне духовно-ценностного опосредования просто невозможен, чему иллюстрацией является Украина.

Отметим, что сами ценности, содействующие технологическому прогрессу, в разные времена на волне достигнутого успеха «вели» себя по-разному. И, соответственно, по-разному влияли на суверенитет. Так, промышленная революция с эпицентром в Англии, опосредуемая ценностями протестантизма, существенно укрепила экспансивно-созидательный дух страны, что позволило этому государству не только укрепиться, но и распространить свою власть на огромные чужие территории-колонии.

Вообще, — если трактовать суверенитет не только узко — как независимость государства в его внутренней и внешней политике, — но и широко, — то расширение границ может трактоваться как своеобразное «выплескивание» суверенности за пределы страны путем экспансии. И в такой ситуации связь этих феноменов с ценностями

становится однозначно очевидной. Это демонстрируют великие завоевания, осуществляемые Александром Македонским, Чингисханом, Тамерланом, которые, — согласно Льву Гумилеву, — имели своими истоками не только сверххаризматичную личность, но и величие духа этносов, возглавляемых этими харизматиками, — что Л. Гумилев трактовал как пассионарность. Во всех этих случаях «дух побеждал материю», т. е. двигала планетарными по масштабам процессами мощь ценностей, а не материальные факторы.

Доказательства крепости государства и незыблемости его суверенитета в широком, выходящем за рамки страны контексте в более поздние времена демонстрировала взмывавшая на дрожжах протестантских ценностей Англия. Ясно, что именно ценностные плоды религиозных войн, — начиная с «бунта» Лютера (а не нечто вроде черноземов), — обеспечили и победоносность, а также крепость суверенитета стран Западной Европы, и даже выплескивание его мощи за пределы государственных границ.

Впрочем, в проблеме связи суверенитета с ценностями верно и обратное — т. е. ослабление и увядание, а то и разрушение суверенитета на почве деградации ценностей. Сомнений нет, что по этой причине рухнул СССР. Ныне же четко обозначено сходство по этой же причине с лидерского пьедестала Соединенных Штатов Америки. По этой же причине — что особенно проявляется в конфликтах с мигрантами-мусульманами — затрещала суверенность стран Западной Европы.

Симптоматично, что о грядущем резком ослаблении и даже крахе западного мира предупреждали известные миру мыслители. В основу этих недавно провозглашенных пророчеств закладывался, по большому счету, опыт истории, особенно связанный с судьбой таких великих держав, как Древний Рим и Древняя Греция. Считается, что именно там отчетливо проявились аналоги ныне назревающих ценностных катастроф, в основе которых лежит достигнутое потребительское благоденствие и, соответственно, упадок ценностей созидания и даже упадок репродуктивной активности. Особую прозорливость по части неотвратимости упадка на почве вершинного благополучия проявили такие мыслители как А. Шпенглер и П. Бьюкенен в нашумевших произведениях «Закат Европы» и «Смерть Америки». Да и советский крупный деятель Г. Арбатов — когда Соединенные Штаты добились и без того падающий СССР — дал телеграмму Генри Киссинджеру: «Что Вы наделали, Вы погибли». Имелось в виду, что именно обретение Америкой статуса единственной сверхдержавы, позволяющее сполна ощутить благодать лавров победителя, станет началом конца лидерства США.

А спад, следующий за феноменальным лидерским подъемом, т. е. процесс «спуска с горы», — это не только девальвация международного авторитета, но и эрозия ценностей на почве подтачивания и экономики, и суверенитета страны. Такое явление, характерное ныне для благополучного Запада, нагляднее всего проявляется в третировании, а то и поглощении европейских стран неизбалованными и сильными духом инородцами. А если речь идет о Соединенных Штатах, то там вполне вероятным становится присоединение шести штатов Америки к Мексике. О почти что неизбежности такого исхода убедительно пишет в книге «Смерть Америки» упоминавшийся уже Бьюкенен.

Кто-то может посчитать, что все сказанное — лишь домыслы фантастов-литераторов. Однако тревожные версии насчет судьбы США как сверхдержавы не только подддерживает, но и развивает такой авторитетный орган, как Национальный Разведывательный Совет США. Именно в его докладах убедительно и развернуто говорится

о том, что США не только сходит с мировой лидерской арены, уступая ее Китаю, но и в обозримой перспективе потерпит крах. И подтачивать государственную мощь Америки (а значит, и ее суверенитет), будут не чьи-то бунты, и даже не экономическая слабость, а доминирующая уже сейчас потребительская модель, заменившая модель созидательную, не чуждую аскетизму.

Эпохальное значение для судеб суверенитета рядовых (как Украина) стран в ближайшей перспективе будет иметь смена западной (по сути — американской) модели глобализации моделью азиатской.

Ныне глобализационными процессами, реализуемыми в основном США, управляет алчность. И это оборачивается, особенно для слабых стран, истощением ресурсов и подминанием под американские ТНК национально-государственного суверенитета. Азиатская же модель глобализации и капитализма для слабых стран — как Украина — более приемлема.

Сошлемся лишь на поверхностные данные об истощении, а значит и об ослаблении зависимых от глобализации стран. США, население которых составляет лишь 5% населения планеты и которые производят 20% мирового ВВП, потребляют 40% мировой товарной массы. При этом крайне разрушительным для планеты является потребление Соединенными Штатами огромной доли энергетических и иных ресурсов. Наконец, именно алчность Запада обуславливает ускоренно нарастающий разрыв в доходах 20% наиболее зажиточных (золотой миллиард) стран, и 20% стран, находящихся в состоянии бедности. Так, если в 1960 г. разрыв этот был 1:30, в 1990 г. — 1:60, то в 2000 г. — 1:127. Напомним, что под гусеницы стран золотого миллиарда, начиная с 1990-х годов, попала и Украина. Из передовой она в кратчайшие сроки стала «несостоявшейся» страной.

Нет сомнения, что азиатская глобализация, вытесняющая американскую, для стран третьего мира будет более приемлема. Для осознания этого достаточно того качества азиатской глобализации, которое выражается словами «мягкое побеждает твердое». Действительно в азиатско-китайской глобализации — о чем свидетельствует уже накопившийся опыт — отсутствуют и экспансивность, и готовность «задрать жертву», что свойственно западной (т. е. американской) глобализации. И, опять-таки, в том, что Запад такой, сполна еще в начале суверенности убедилась Украина. Ведь рецептура навязанного нам Вашингтонского консенсуса, воплотившего идеи ультралиберала Милтона Фридмана, — это как раз и была типичная для США глобализация. При этом мы (Россия и Украина) не были единственными. До нас — в 80-х годах прошлого века — жертвой американской глобализации стала Латинская Америка. Некоторые страны (Колумбия и др.) после экспансии со стороны США до сих пор не могут оправиться.

Азиатская глобализация заведомо неагрессивна. Она более совместима с полноценным суверенитетом слабеющих стран; и в этом ее преимущество перед глобализацией западной. Однако ей присуща особенность в виде существенно размываемой идентичности «принимающего» этноса. Происходит это по причине высадки в глобализируемую страну мощных этнических десантов и активного формирования азиатских (китайских) общин.

Но это, как правило, не ослабляет суверенность.

А к тому же в этом есть и свои плюсы. Как показал опыт, любая страна, еще недавно деградирующая и отсталая, при притоке всего 5–7% (от общего населения) ки-

тайцев становится успешной. Так, в отсталой в прошлом Малайзии именно с притоком китайцев экономика расцвела, и страна стала демонстрировать эффект экономического чуда.

Полагаю, что отмеченные особенности современных моделей западной и азиатской глобализации свидетельствуют о преимуществах второй. Важно учитывать и то, что в основе специфики каждой из моделей лежат прочные основания — основания в виде цивилизационных ценностей. И если сделать обобщенную оценку каждой из моделей, то достаточно сослаться на экстравертность (т. е. агрессивность) западных этносов и интравертность этносов восточных. К тому же ныне, когда планета Земля остро нуждается в экологически щадящих поведенческих стереотипах, интроверты более желанны человечеству как таковому. И в этом смысле различия упомянутых моделей глобализации заключаются в том, что Запад ориентирован на истощение настоящего, а Восток — на созидание будущего.

Нет сомнений, что нарастающая победоносность азиатских экономических моделей будет иметь и весомые социальные последствия. Настанут времена, когда не будет над народами идеологических жандармов — таких, как в прошлом СССР, а до недавнего времени — США. Ведь еще недавно, когда США были всемогущи, они откровенно навязывали модель продажной псевдodemократии и вручную управляемого псевдосуверенитета.

В отличие от Запада, азиатский Восток — какими бы ни были его общественные системы — свой строй никому не навязывал и навязывать не будет. Неслучайно исследователь цивилизаций Арнольд Тойнби наделял чертами агрессора именно западный мир. Не будет во многом потому, что лидирующие на азиатском Востоке державы (в отличие от держав Запада) на протяжении всей своей истории часто были жертвами, но не были колонизаторами-агрессорами. Даже китайская стена — это чудо света — свидетельствует в пользу сказанного. Так что — вопреки расхожим западным штампам — именно азиатский Восток даст миру прочность суверенитета, свободу выбора образа мышления и образа жизни. Трагедия бомбежки Хиросимы и Нагасаки, Югославии, Ирака и бесчисленных переворотов и убийств лидеров стран в Латинской Америке будут невозможны. Об этом сполна свидетельствует хотя бы книга Джона Паркинса «Исповедь экономического убийцы» [1].

Вместе с агрессивностью исчезнут и исходящие от Запада иезуитские двойные стандарты. Ныне они касаются и роли государства, и избирательного запрета на протекционизм, и многого другого.

И наконец — самое главное. Жизнь планеты — по мере схождения Запада с лидерского пьедестала — не будет управлять, как ныне, алчность. Религии и великие учения Востока осуждают алчность. Поэтому даже накопление капиталистами богатства не оборачивается — как на Западе — ажиотажным и разрушительным потребительством в качестве смысла жизни.

Все это, несомненно, связано с суверенитетом и прямой, и обратной связью. Причина же, из-за которой именно США источает алчность, доводя дело до мирового кризиса, во многом заключена не только в традициях, но и в религиозных учениях. Ведь согласно распространенному в США протестантизму обогащение богоугодно. И одного этого обстоятельства, которое на Западе неустранимо, вполне было бы достаточно (в случае западного лидерства) для того, чтобы состоялась экономическая катастрофа.

Процессы, разворачивающиеся на мировой арене, имеют непосредственное отношение к проблемам сохранения или же подрыва суверенитета Украины. Отметим, что пока не только Восток, но и Запад, лидирующий в технологическом прогрессе, не обрекал соседние миры, в том числе и Украину, на тотальную неконкурентоспособность, а значит и потерю суверенитета. Даже технологически устаревшие и давно деградирующие отрасли (металлургия и др.) до сих пор успешно формировали мощные экспортные потоки и обеспечивали Украину валютой.

Ныне ситуация радикально меняется. Уже в ближайшие годы грядет угроза подрыва конкурентоспособности с Востока. Так, если ситуация не изменился, Китай, успешно, и стремительно завершая замену отсталых металлургических предприятий обновленными, вскоре вытеснит экспорт украинского металла (и не только его) на обочину.

Опасность с позиций конкурентоспособности надвигается на Украину и со стороны России, где также обновлены многие металлургические производства, наращены трубопрокатные мощности и т. д. Все это будет уже в обозримом периоде опасным.

Однако, эти опасности, в том числе и в отношении суверенитета, не главные, ибо в этих случаях механизмы конкуренции закладываются в рамках одних и тех же технологических укладов. Так что при должном напряжении «нынешних» сил та или иная украинская отрасль может стать снова конкурентоспособной, и страна в части своих судеб «вздыхнет облегченно».

Иная опасность — по масштабу и катастрофичности последствий, в том числе в отношении суверенитета — надвигается на Украину со стороны технологически лидирующего (пока что) Запада. Фактором, который может окончательно обрушить украинскую экономику, а значит, и общество, является уже наметившийся в развитых странах радикальный обновленческий процесс, связанный со сменой доминирующих технологических укладов.

Процесс этот, будучи в привычно модернизирующихся странах инерционным и не требующим усилий первоначального толчка, в деградирующей вот уже 20 лет Украине требует не только масштабных первичных финансовых вложений, но и мощного всплеска духа, то есть возрождения угасающих пока что модернизаторских ценностей.

Известно, что ныне господствующий пятый технологический уклад (V TU) радикально производственные мощности не обновляет. И даже отсталая по мировым меркам Украина в такой ситуации может суверенно выживать.

Иная ситуация в мире возникнет, когда на Западе (в первую очередь в США) произойдет уже наметившаяся смена доминирующих укладов, и господствующим станет шестой технологический уклад (VI TU).

VI TU — это целостный процесс, устойчивое образование, чьи технологии радикально усовершенствуют весь замкнутый цикл — от добычи и получения первичных ресурсов до всех стадий переработки и выпуска конечной продукции. VI TU — в синтезе с V TU — оснащается невиданными ранее прорывными нанотехнологиями, которые обеспечивают глубинное преобразование вещества, конструирование материалов с заданными свойствами, изменение живых организмов на базе клеточных технологий, повсеместное внедрение гибких автоматизированных систем.

Естественно, что распространение в столь широком диапазоне технологических «чудес» не оставит «нетронутыми» не только продвинутые отрасли, но и заскорузлые,

отсталые производства. Соответственно не обойдет радикальное обновление ни металлургию, ни химию, ни сельское хозяйство.

И вот тут под Украиной, пока что безразличной к инновационным ценностям, может развернуться экономическая пропасть. Причем рухнут — если ценности модернизации не будут возрождены — не только отсталые, а среди них и «кормящие» (экспортоориентированные) отрасли, но и остатки отраслей высокотехнологичных, составляющих пока что предмет нашей гордости. Такие отрасли, как авиационная, ракетно-космическая, атомная, электротехническая, станкостроительная и приборостроительная, в условиях недоступности технологий VI ТУ в кратчайшие сроки станут на фоне тех же производств инновационно продвинутых стран безнадежно отсталыми и никому не нужными.

В итоге, после первого крушения страны в начале 1990-х годов, происшедшего под заказ псевдореформаторских рецептов «Вашингтонского консенсуса», и второго крушения, связанного с «игрой в поддавки» с мировым финансовым кризисом, наступит третье крушение, но это уже — как следствие покорности судьбе и осознанной готовности стать страной малых дел, обслуживающей олигархические (свои) и зарубежные (западные), а не наши суверенные интересы.

Упоминание в данном контексте Украины как страны малых дел — не случайно. Дело в том, что страна за годы независимости все больше приспособливалась все стороны жизни, и, главное, механизмы регулирования, к созиданию лишь малых, т. е. сиюминутных дел. И это притом, что в стране всего лишь 20 лет назад была система, которая, — при всех ее недостатках, ориентировала общество на технологический прогресс, сопоставимый с западным. Причем в первые годы суверенитета не составляло большого труда адаптировать рыночную систему к долгосрочным целям, которые могут дать жизнь инновационной модели.

Ныне на базе собственных усилий Украине до прорывных инноваций уже не дотянуться. Страна слишком опущена и к инновациям неадаптирована. Не адаптирована и технологически, и духовно. То есть касается это не только самих по себе технологий, но и механизмов регулирования, которые нацелены только на сиюминутность. А феномен нацеленности на дела текущие, т. е. сиюминутные, — это уже то состояние духа, которое не только выводит страну на обочину, но и — рано, а не поздно — предопределяет ее схождение с мировой арены.

Соответственно в Украине прижилась примитивная культура времени (время от урожая до урожая, от бюджета до бюджета), свойственная недееспособным народам, лишенным перспективы. Наряду с дефектными регуляторными механизмами, т. е. недостроенной системной институтов, — к экономическому примитивизму и общей отсталости и беспросветности адаптирована и народная психология. Народ за годы независимости напрочь отучен мыслить масштабно и — тем более — жертвовать чем-то во имя лучшего будущего. Да и жертвы ради будущего для народа ныне непосильны, поскольку разрыв в доходах основной массы населения и доходах богатых рекордный.

Казалось бы, проблема богатых и бедных — это лишь вопрос дифференциации уровней жизни и недовольства тех, кто оказался в категории бедных. Однако, это еще и проблема устойчивости страны не только по критериям недовольства, но и дееспособности народа на почве угнетенности духа.

Выходит так, что при относительно «терпимом» разрыве народ, будучи жизнеспособным, время от времени пугает и власть, и богатых бунтами. Более того, само улучшение жизни рядовых тружеников в условиях подъема духа может обернуться бунтами и даже революциями. Так, и во Франции, и в России в преддверии революций народ жил лучше прежнего. Тогда он и расправил плечи, и стал боеспособным. Кстати, и нынешние бунтарские события в Греции и других странах произошли на фоне лучшей жизни, чем жизнь украинцев.

А вот чрезмерный разрыв между богатыми и бедными, что многократно доказано наукой, мощные бунты исключает; исключает вследствие опускания бедноты в состояние глубокой депрессивности. И одна из стран, характеризующихся рекордным разрывом богатых и бедных, — это Украина. И та депрессия, которая выявлена в стране социологами, многоаспектно подтверждает зависимость депрессивной экономики от депрессивности духа широких слоев населения. В Украине, чуть ли не в классическом варианте, само введение огромного массива рядовых граждан в состояние устойчивой депрессии напрочь исключает эффект модернизации, а значит, и восхождение страны по ступеням прогресса.

Признаки же, подтверждающие деформации духа, многообразны; они свидетельствуют не только о подавленной энергии, но и об ослабленной гражданственности, а также об уже свершившемся подрыве той напористости, работоспособности и инициативности, без которой подъем экономики в принципе невозможен. Нет сомнения, что такая ситуация ослабляет и суверенитет.

Вот некоторые факты, подтверждающие высказанные суждения. Проведенные в Украине (Институт социологии НАН Украины) социологические исследования дали обескураживающие результаты. Оказалось, что 62,6% респондентов постоянно ощущают утомление; 41,7% — спад энергии; 52,8% страдают от бессонницы; 22,6% — пребывают в состоянии бессилия. И лишь 13% чувствуют себя нормально. Ясно, что уже это делает реализацию и потенциала большинства рядовых работников, и суверенности невозможной. А значит, исключает инновационный подъем, даже если бы власть этого захотела. Ибо такой подъем в решающей степени определяется не инвестициями, а подъемом духа.

Иллюстрацией глубины и, возможно, необратимости депрессивных патологий является в Украине и малоизученный феномен массового и немотивированного страха. Опрос, проведенный ИС НАН Украины, свидетельствует о том, что 62% населения боится стать жертвой злодеяний, 88,3% — испытывает страх перед безработицей; 43,9% — боится наступления голода; 59,4% — остановки предприятий; 23,3% — массовых беспорядков; 83,2% — роста цен; 39,4% — заражения инфекциями и т. д. [2, с. 508].

Источником выявленных в ходе исследований болезненных комплексов и социальных фобий является, наряду с фактором обездоленности, и полнейшая беззащитность рядового гражданина.

Вот некоторые, далеко не полные иллюстрации: на защиту со стороны высшей власти в Украине могут рассчитывать от 1,9 до 7,2% населения; на защиту со стороны местной власти — 4%; со стороны профсоюзов — 2,2%; руководителей предприятий — 0,8% и т. д. [2, с. 501].

Обратимся теперь к степени защищенности граждан через суды. По данным государственной исполнительной службы Министерства юстиции Украины, в 2005 году под-

лежало принудительному исполнению 6,1 млн. исполнительных документов; фактически же было исполнено 1,9 млн. [2, с. 451] В 2006 году ситуация была такой же.

А теперь представим, что стоит за этими цифрами. Легко догадаться, кто были те, чьи домогательства были реализованы: без «откатов» здесь не обошлось. А вот тем миллионам(!), чьи выигранные дела обернулись пустышкой, заплатить, видимо, было нечем. Возникает вопрос — каким должен быть тот строй, который безразличен к судьбе выигранных судебных дел и стоящих за этими делами граждан. Ясно, что это не капитализм, ибо там сильна власть закона. Это и не социализм — там торжествует социальная справедливость. Подобное возможно лишь в эпоху раннего (а не позднего!) средневековья. Согласимся, многое (в том числе эпизоды с народным депутатом Верховной Рады Лозинским, многократно организовывавшим с помощью местной власти охоту на людей в своей вотчине) — подтверждает такой вывод.

Состояние подавленности и безнадежности, закладываемое настоящим, отсекает страну и ее народ от будущего, именно от будущего украинского! Так, большинство украинцев (69% опрошенных) не ожидают в будущем позитивных перемен [2, с. 509]. В основе такого пессимизма лежит неверие граждан Украины в успешное развитие страны. Считается, что разрыв между Украиной и развитыми странами в перспективе лишь увеличится; что украинское общество не станет в десятилетней перспективе более справедливым.

В Украине, и это обрекает страну на все большее отставание от успешных и даже не очень успешных стран, разрыв в доходах богатых и бедных по мировым меркам рекордный. Приведем факты, касающиеся Украины и других стран. Если в Евросоюзе разрыв 10% самых богатых и 10% бедных шестикратный, то в Украине — 35-кратный, и именно это предопределяет безысходность и депрессивное состояние украинского этноса. А, соответственно, этот фактор деформирует всю среду обитания, и в первую очередь обесточивает энергию созидания, а значит, исключает успешное развитие и экономики, и социальной сферы, не говоря уже о духовности.

В Украине решающее влияние на состояние общества оказывает рекордный разрыв в доходах богатых и бедных. Человек так устроен, что он может легко переносить нужду в условиях, когда тяготы распределяются на всех и есть надежда на лучшее будущее. Но народ ощущает себя раздавленным и недееспособным (особенно по части инноваций), когда коррупционеры роскошествуют, а надежд на будущее нет. Суверенитет в такой ситуации не может быть прочным.

Иллюстрацией к сказанному о неизбежной депрессивности народа, а значит, и об ослаблении суверенитета страны, являются данные общеевропейского опроса, охватившего 24 европейские страны, в том числе Украину. По итогам опроса Украина заняла последнее — 24 место по критериям доверия к власти, по оценке состояния семейного дохода, по доверию к финансовым компаниям и банкам, по оценке своего здоровья, по даче взятки чиновникам, по ощущению себя активным и энергичным и, наконец, по критерию счастья. Те же выводы (о рекордной депрессивности украинского этноса) получены в ходе исследования данной проблемы Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) в масштабе планеты.

Конечно, причин, обусловивших рекордную депрессивность когда-то одной из самых веселых наций, много. Главное именно в том, что пропасть, отделяющая в Украине богатых от бедных, решаяще определяет и углубляет состояние депрессивнос-

ти. И между этим обстоятельством и попаданием Украины по критериям ООН в число «несостоявшихся» стран [3, с. 5], — связь прямая. А понятие «несостоявшаяся страна» есть аналог понятия «страна с сомнительным суверенитетом».

Решающая зависимость, существующая между величиной разрыва в доходах богатых и бедных и депрессивностью, побуждает многие страны искать способы смягчения несправедливости. Считается, что опасным для любой страны является уже разрыв десятикратный. Для нас должен быть поучителен опыт Китая: когда разрыв 10% и 10% там оказался тринадцатикратным, вопрос был вынесен на съезд Компартии Китая. Там принято было решение уменьшить разрыв до девятикратного, и вскоре проблема была решена.

Известно, что украинская практика обеспечивает именно крупному капиталу в процессах распределения доходов щадящий режим. И хотя по итогам обсуждений налогового кодекса предлагались методы изъятия части доходов у владельцев крупных корпораций, меры эти выглядели как слишком щадящие и мало что меняющие. Возьмем, к примеру, предложение о налогообложении на роскошь. Какой прок от этого механизма, если роскошные дворцы у богатеев за границей. К тому же сам налог на роскошь вскоре обернулся бы стимулом к выведению и роскоши (а не только денег) за границу.

Вывод состоит в том, что действенным с позиций справедливости, а значит, — и преодоления депрессивности, — является лишь налог на доходы. Конечно, и здесь могут срабатывать уловки, минимизирующие прибыль. Наиболее доступный механизм, — искусственное «вздутие» издержек. Могут быть при нашей либеральной (а значит, плутовской) практике и другие лазейки, сводящие на нет изъятие доходов у богатых.

Чтобы все было по-честному, следует обратиться, опять-таки, к европейскому или же северо-американскому опыту, который действует безупречно. Наиболее приемлемой и доступной для Украины является практика, реализуемая в Германии.

Согласно этой практике, оптимизацию процессов перераспределения доходов обеспечивает двухъярусный Совет директоров, состоящий из «наблюдательного» и «управленческого» уровней. В наблюдательный Совет, кроме мелких акционеров и рабочих, заведомо заинтересованных в «полноценности» выявления дохода, входят также представители государства, банков и союза потребителей.

Естественно, что такой состав наблюдателей предотвращает злоупотребления главного акционера, в том числе из-за невозможности совершать сделки «с самим собой». Кроме того, укрепление внутренних механизмов корпоративного управления распределением дохода обеспечивается надзором служб независимого аудита, что гарантирует полноценное раскрытие информации посредством постоянного мониторинга.

Конечно, создание такого механизма перераспределения дохода, какой действует в Германии, — явление вторичное. У нас все зависит, в конечном счете, от решимости высшей власти рационально и по справедливости распределить доходы крупного бизнеса. Пока что нет уверенности, что это произойдет.

Среди мер, предотвращающих возможную «суверенную» катастрофу, исключительно важна та или иная форма интеграции с Россией.

Начнем с неглавного — с того, что украинское производство во многом деградирует именно из-за украинско-российской разобщенности. Поэтому стремительность, с которой на нескольких важнейших для Украины направлениях создаются россий-

ско-украинские холдинги и корпорации, вполне оправданна. Оправданна не только с позиций взаимодополняемости производств, но и (что не менее важно) масштаба рынка. Напомним, что именно из-за разрыва взаимодействий с Россией рынок изделий, составляющих гордость страны (самолеты, изделия для космоса и др.) в последние годы существенно сузился. Ведь даже высокклассные самолеты бренда Антонова выпускались по одному в год. Это позор.

Но, конечно же, к производственно-технологической взаимодополняемости дело не сводится.

В ценностях России генетически заложено стремление к объединению земель. И это не только, даже не столько рационализм, сколько сакральное действо под названием «братство». Еще Достоевский писал: «Ко всечеловеческому братскому единению сердец русские наиболее предназначены».

В Украине бурный рост симпатий к России — после длительного спада — совпал по времени с крушением «майдановских» иллюзий. В этот период произошло и разочарование Запада в его надеждах на послемайданные изменения. В Европе Украину стали относить к числу стран-изгоев. В ходу эпитеты: «несостоявшаяся страна», «страна-неудачница», «страна в развалинах», «страна необратимых негативных процессов» и т. д.

В такой ситуации как внутренние, так и внешние оценки Украины «аукнулись» разворотом симпатий в сторону России. Так, если 5-6 лет назад сторонники России составляли в Украине иногда всего лишь 40-45%, то в последние годы соответствующий показатель не падал ниже 71% [2, с. 382].

Для судеб Украины содружество с Россией — единственный выход на тропу успеха. Ситуацию одиночества страна просто не выдержит, не выдержит именно с позиций суверенности. Причем главный фактор, загоняющий страну в «невесомое» состояние, — уже не столько «падающая экономика», сколько углубляющаяся человеческая депрессивность, чего нет в России.

По разным причинам именно сейчас Россия и Украина стали остро нуждаться друг в друге. Россия — потому, что получила шанс осуществить мощный рывок; и многое именно в этом контексте снова (как когда-то) зависит от Украины. Украина — потому, что терпит бедствие, которое только «в упряжке» с Россией преодолимо.

И дело не только в том, что Россия и Украина научно-технологически взаимодополняют одна другую; что именно за счет Украины России легче всего обрести важный для успешности эффект масштаба. Украинцы знают, что только братски настроенная и бесшабашная Россия может решиться вкладывать в нестабильную и деградирующую страну инвестиции в инновационные проекты, рассчитанные на долгосрочность.

Не менее, а, скорее, более важно то, что именно через взаимодействие с Россией Украина получит шанс взбодриться духом и начать выходить из убивающей ее депрессии. Ведь если этого не будет, если Украина не оздоровится и не воспрянет духом (а это определяется всплеском надежд), то ни о каких инновациях не может быть речи — будь то инновации западные или российские. В мире не было ни одной страны, которая бы добилась инновационного успеха без подъема духа и обретения надежд на лучшее будущее.

Конечно, все это не так просто. Надо обеим странам преодолеть стоящие на пути преграды. Условием успеха должно быть взаимоприемлемое интегрирование. Мно-

гое зависит от взаимной лояльности украинской и российской власти и ряда других обстоятельств. Но главной предпосылкой высокоэффективного взаимодействия с Россией является все же настроение украинского народа — его тяготение к этой стране.

Конечно, в период «царствования» Ющенко много было сделано для того, чтобы настроить народы друг против друга. Оскомина от этого осталась. Но элементы недоверия как «внизу», так и в «верхах» со временем рассосутся, и тогда Россия и Украина с высоким потенциалом доверия сойдутся друг с другом. Как это скажется на суверенитете? Им, по-видимому, придется поделиться. Но это — переход от опасности краха к эффекту и ценностям созидания, а не то крушение суверенитета страны вместе с ее экономикой, которое несет с собой деградирующее «одинокчество».

Ценности славян — это простота общения, искренность, открытость и радушие. Так, русский склонен выставить себя добродушным простаком, и это упрощает общение. Россияне, склонные к межнациональной консолидации, даже отдали другим этносам часть ментального суверенитета, поскольку все, живущие в России, являются россиянами. И это, а также многое другое (включая жертвенность) содействует бесконфликтности русского этноса с теми же татарами, башкирами, мордвой и многими другими.

Пойдем дальше и разобьем раздуваемые политиками и СМИ мифы о якобы тяготении украинцев к Европе. Опросы населения все это корректируют существенно, причем в пользу России. Так, положительно оценивают в Украине идею присоединения страны к союзу России и Беларуси 59,3% украинцев; негативно к этой идее относятся лишь 20,8% опрошенных. В то же время к идее вступления в Евросоюз позитивно относятся (как это ни странно!) лишь 40,7% [2, с. 518].

В заключение напомним, что обладающий пророческим даром Пушкин не раз употреблял понятие «Верный росс». Редко какой народ обладает этим качеством в такой же степени, как русские. Никто не мог представить ситуацию, чтобы, скажем, Англия как метрополия жила хуже Индии. А ведь Украина в рамках СССР все послевоенные годы жила лучше России.

Без судьбоносных перемен, в том числе симбиоза с Россией, Украина то ли расколется, то ли рухнет целиком. Ведь деградация на фоне преуспевания практически всех соседей не может продолжаться долго. Мир динамичен, и тот, кто отстает, — гибнет.

В числе факторов, ментально разъедающих суверенитет, следует проанализировать свойственное Украине иждивенчество, основанное на подлинных или же мнимых реалиях. Иждивенчество, как правило, присуще этносам, которые исторически лишены были своей собственной полноценной государственности, и, соответственно, действовали под чьим-то надзором. Кроме этого, иждивенчество развивается, когда этносу достаются зазря в изобилии те или иные природные блага.

В Украине наличествует и то, и другое; причем как в аспекте историческом (ведь Украина веками не была суверенной страной), так и в «подарочном».

Нынешний своеобразный отклик на привычку жить «под кем-то» — это непрерывно повторяемые заклинания: «Мы идем в Европу». Казалось бы, это прекрасно; ведь Европа — своеобразное Эльдorado. И если бы украинский этнос задался целью подтянуться до жизненных стандартов Европы, то всем это пошло бы только на пользу. Но все происходит иначе; сам посыл «мы вот-вот будем в Европе» — это скрытое и не осознаваемое оправдание нежелания бороться с неполадками, имеющимися в собственной стране.

Самое интересное, что и власть, и рядовые граждане в вопросах ожидаемого «европейства», а значит готовности ослабить суверенитет, ведут себя как страусы, погружающие — чтоб уйти от реалий — голову в песок. Ведь все годы лидеры ЕС периодически (когда мы были слишком назойливы) остужали нашу прыть своими заявлениями, о том, что в обозримом периоде Украине (кроме как ассоциаций и свободных зон) ничего не светит. Не случайно уважаемый всеми Богдан Гаврилишин, знаток ситуации и великий украинский патриот, называет, и то с оговоркой, то 30, то 20 лет.

Ведь даже в отношении с Россией, которая сейчас намного ближе к европейским лидерам, чем Украина, проблема единого пространства откладывается на много лет. Приводим недавно произнесенные слова Н. Саркози: «Мы будем работать с Россией рука об руку... Однако создание единого экономического пространства, единой безопасности и безвизового режима стоит рассматривать лишь в перспективе 10–15 лет» [4]. Что же касается Украины, то даже ее искрение приверженцы из Польши и Швеции заявили, что расширения ЕС не будет в обозримой перспективе [5].

Казалось бы, мечтать не вредно. В других случаях это так, но не в этом. Для Украины мантры о вхождении в ЕС при полном равнодушии к проблеме овладения европейскими стандартами — это своеобразное увиливание от созидательного рывка, в котором страна нуждается и без которого она сойдет с арены. Т. е. это оправдание иждивенчества и той беспомощности, которая свойственна была прежней власти. А новая реалистичная власть использует нереализуемые лозунги стремления в Европу, чтобы и плебсу, и бизнес-элите угодить и понравиться.

Казалось бы, а в чем опасность лозунгов о нашей европейскости? Опасность в том, что фикцией о евроустремлениях в Украине подменяется, и вместе с тем оттягивается иная цель — вытаскивание Украины из глубокой ямы. И нынешняя власть, потакая такой «европейскости», себя же ослабляет и подспудно ослабляет суверенитет. Так что риски увода настроения народа от реальных целей к целям-миражам могут быть серьезными.

Черноземы — это тоже фактор расслабляющий; и с ним тоже связан риск зомбирования насчет неизбежного, без усилий свалившегося благополучия. Это что-то вроде скатерти-самобранки. Наглядный пример иждивенчества на этой основе — Древняя Греция, которая разделена была на Аттику и Беотию. Скалистая и бесплодная Аттика дала миру шедевры во всех сферах жизнедеятельности, а Беотия, где были тучные черноземы, была во всем отсталой.

Черноземы в Украине — это тоже риск самоуспокоенности и сдерживания порыва к инновациям и вообще к большим делам, превращающим страну в передовую. А суровые условия, малопригодные для жизни, обычно формируют успешных людей. И не случайно самыми процветающими в мире странами который год остаются Норвегия, Финляндия и Дания. А разлитая благодать всегда таит риск самоуспокоения.

В Украине сильно иждивенчество по естественноисторическим причинам, и преодолеть его надо на основе мобилизационной модели развития.

Ныне же, наряду со склонностью к иждивенчеству, мы живем под девизом потребительства. Обычно (как в США) это бывает на закате страны. Украина же, вопреки традиционной логике развития, начинает свой путь с того, чем сходящие с лидерского пьедестала Соединенные Штаты «кончают». В США это логично; там ведь и сама по себе утеря ценностей сурового пуританства предопределяет ускоренное схождение

ние страны с лидерской арены. О чем, как отмечалось, неоднократно заявлял в своих аналитических документах Национальный Разведывательный Совет США. В Украине как начинающей свой путь стране такая сдача позиций противоестественно.

Разрушительной для статуса Украины как суверенной страны является запущенная к нам на старте извне идеология. Идеология эта — неолиберализм по рецептам Вашингтонского консенсуса — как раз и была рассчитана на технологичное, а значит и ментальное разоружение страны. Вспомним лозунги тех времен, привнесенные в Украину эмиссарами из США и восторженно подхваченные нашими модными тогда реформаторами. Среди них — козырные: «Чем меньше держава, тем лучше»; «Рынок сам все расставит». Все это трактовалось как бесценный опыт США, который сделал эту страну великой, а Украину в кратчайшие сроки сделает Францией. На деле идеологии неолиберализма уже тогда были легко разоблачаемы: было очевидно, что они рассчитаны на ослабление Украины как страны успешной и на превращение ее в источник сырья и рынок сбыта западных товаров.

Казалось бы, о реформах тех времен можно забыть, ведь они уже в прошлом. Однако в сознании наших людей, в том числе и находящихся при власти, глубоко засели идеи либерализма как сформированные якобы для себя Соединенными Штатами и якобы обеспечившие этой стране неслыханное могущество. До сих пор считается, что надо идти тем же путем, и все будет в порядке. В действительности для стран Запада, особенно для США, либеральные рецепты, минимизирующие роль государства, а значит и его суверенитет, — это рекомендации на экспорт. В самих же Штатах роль государства огромна; и именно это имело решающее значение для планетарного лидерства Америки.

Для иллюстрации приведу выдержки из книги российского американиста В.А. Федоровича «США: федеральная контрактная система и экономика» [6]. Так, на странице 78 написано: «Государственные заказы ежегодно достигают \$1,5–1,7 трлн., или 20% совокупного портфеля заказов промышленности. В выполнении заказов участвует ежегодно 15–17% населения США, блок заказчиков обслуживают 1,5 млн. компаний субподрядчиков и 300 тысяч генподрядчиков». Кроме этой наглядности, свидетельством силы государства в США является многоступенчатое планирование экономической жизни. И не случайно лауреат Нобелевской премии П. Самуэльсон охарактеризовал правительство США как «самое крупное предприятие в мире» [7, стр. 110–111].

Несомненно, что беспомощность нашего государства, особенно в сфере институциональной и инновационной, а также ликвидация долгосрочного планирования есть следствия идеологического зомбирования и, соответственно, продолжающегося преклонения перед американским либерализмом, который якобы в США правит бал. Сомнений нет, что это, во многом подсознательное поклонение квазиамериканскому ультра рыночному фетишу, до сих пор пригибает нашу страну, с одной стороны, — к низкотехнологичности (ведь в сфере высокотехнологичной срабатывает синтез рынка и государства); а с другой, — к сиюминутности, которая паразитирует на бесплатности.

Риски от исповедования до сих пор в Украине либеральной идеологии у нас огромные. Главный из них, — не столько низкотехнологичность сама по себе, сколько подспудное смирение перед фактом лишения нашей страны будущего. Ведь без долгосроч-

ных планов самой нацеленности страны на лучшее будущее не бывает. Без долгосрочных планов Украина (что уже произошло) превращается в страну малых дел и убогих технологий, обслуживающих сиюминутность. Страна, лишенная перспективы, — это не страна. Вернее, что зафиксировано в списке ООН, — это несостоявшаяся страна.

Кстати, сейчас, по итогам мирового кризиса, порожденного именно либерализмом, лидеры западных стран один за другим говорят «нет» либерализму. Но в Украине этого не слышат и не знают, поскольку критика либерализма считается чуть ли не святотатством. Отсюда — из этой «религиозности» — как раз и произошло во время последнего кризиса шокирующее падение экономики Украины, глубина которого (15%!) рекордна.

Хочу отметить и то, что в мире нет ни одной по-настоящему успешной страны, которая бы стартовала с позиций либерализма. Так, в ситуации, когда восходили ввысь проамериканские страны «экономического чуда» (Сингапур, Тайвань, Гонконг, Юж. Корея и другие), Соединенные Штаты приветствовали даже их тоталитаризм. Например, когда любимец Штатов Ли Куан Ю, придя к власти в Сингапуре, за одни сутки убрал всех судей и заменил их новоиспеченными выпускниками юридических факультетов, США были в восторге. И в дальнейшем его диктаторские методы Соединенными Штатами только поощрялись. Это и есть пример того, как работают двойные стандарты! В завершение сошлемся на Нобелевского лауреата Дж. Стиглица, который в годы постсоветской ультралиберальной эйфории предупреждал: «Модель рыночной экономики.... в корне неверна» (фраза вырвана мной из доклада в МГУ) [8].

Полагаю, что лидерам нашей страны не хочется в идеологии государственного строительства выглядеть отсталыми. Поэтому ставлю в известность, что ныне западная пресса переполнена утверждениями, что либеральная теория переживает кризис, аналогичный кризису коммунизма. И, что выглядит для нас странно, заодно они увещевают лидеров отсталых стран и насчет «избытка» демократии. Еще Ф. Фукуяма в книге «Конец истории (С. 199) писал: «Существуют серьезные эмпирические свидетельства, показывающие, что модернизирующиеся страны с рыночноориентированным авторитаризмом показывают лучшие экономические успехи, чем их демократические аналоги». Ныне же повсеместно признано, что «демократия хороша лишь после завершения процесса модернизации» [9, стр. 118]. На Петербургском Всемирном форуме британский экономист Скидельский сказал: «демократия — это награда за успех, а не условие успеха». Его поддержали многие, и, главное, никто не возражал [10].

1. *Паркинс Д.* Исповедь экономического убийцы. — М.: Pretext, 2005. 2. Українське суспільство 1992-2009. Динаміка соціальних змін, за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К.: Інститут соціології НАН України, 2009. 3. Україна та Європа: результати міжнародного порівняльного соціологічного дослідження. — К.: Інститут соціології НАН України, 2006. 4. Известия. — М.: 20.10.2010. 5. Известия. — М.: 29.10.2010. 6. *Федорович В.А.* США: федеральная контрактная система и экономика. — М.: Наука, 2002. 7. Российский экономический журнал. — 1995. — № 1. 8. Независимая газета. — М.: 20.04.2004. 9. Мировая экономика и международные отношения. — М.: 2010. — № 9. 10. Известия. — М.: 24.10.2010.